

*Т. Г. Таирова, А. В. Багро**

ОБРАЗ ПЕТРА I В «ЛЕТОПИСИ» САМОЙЛА ВЕЛИЧКА**

Фигура Петра I всегда привлекала историков своей масштабностью и влиянием на российскую историю. В источниках можно найти много упоминаний об огромной важности его начинаний. Тем не менее при анализе образа императора, как правило, рассматривались внутрисоссийские тексты, которые наиболее детально его изображали. Однако параллельно существовали другие взгляды, как, например, точка зрения казацкой элиты Гетманщины. В этой статье детально разбирается образ Петра I, сконструированный Самойлом Величко, канцеляристом и автором одного из ярчайших произведений по казацкой истории. Он описывал внешность своего героя, а также использовал как позитивные, так и негативные характеристики для его изображения. В каких ситуациях это происходит, чем это было обусловлено — ответы на эти вопросы позволяют понять отношение Войска Запорожского к монарху и открывают перспективу для дальнейшего изучения его неоднозначного образа.

Ключевые слова: Самойло Величко, «казацкие летописи», Петр I.

T. G. Tairova, A. V. Bagro

THE IMAGE OF PETER I IN THE "CHRONICLE" SAMOILLO VELYCHKO

The historians have been interested in the personality of Peter I through his scale and influence on Russian history. There are many references of importance of his deeds in the sources. At the same time, researchers considered only Russian texts as a rule. These texts represented him in detail. However, there were also another views on Peter in the past. For

* Таирова Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры Истории народов стран СНГ Санкт-Петербургского государственного университета; t.tairova@spbu.ru

Багро Алена Викторовна, кандидат исторических наук, независимый исследователь; alena.bagro@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–42008 «Петр Великий: pro et contra. Личность и реформы Петра Великого в философско-культурологической и политологической рефлексии. Российский опыт и зарубежные контексты».

example, there were the views of the Cossack elite of the Hetmanate. In this article the image of Peter I is analyzed in detail. This image was designed by Samilo Velychko, which served in the hetman's office and was author of the «Chronicle» about the Cossack's history. He described the appearance of his hero. He also used as positive and negative characteristics for image him. The article answers the following questions: when Velychko used these characteristics and why he did it? It opens a prospect for further studying of the ambiguous image of Peter I.

Keywords: Samoilo Velichko, «Cossack Chronicles», Peter I.

Петр I — личность многогранная и неоднозначная как для современников, так и для его потомков. В частности, немалый интерес у исследователей вызывает отношение царя к Украинскому Гетманству, Украине и то, как его воспринимали выходцы оттуда. Всем известен конфликт Петра и гетмана И. Мазепы, гораздо меньше знают о почти двух десятилетиях их успешного взаимодействия. Но и позднее активное участие в сотворении Петровского мифа принимали непосредственно «киевские интеллектуалы» мазепинской эпохи (И. Гизель, Ф. Прокопович, Д. Туптало) [4, с. 282–283].

В украинском пространстве «пост-мазепинской эпохи», первой половины XVIII в., возникают и тексты с другой направленностью мысли, далеко не столь однозначно трактующие события. Это, прежде всего, литература войсковых канцеляристов, чаще известная в историографии под условным названием «казацких летописей». Среди творцов этой интеллектуальной традиции, особо выделяется Самойло Величко, войсковой канцелярист, написавший одно из ярчайших произведений в данном жанре, крупнейший и во многом ключевой памятник казацкого периода истории Украины.

В 2020 г. российские и украинские ученые осуществили первое академическое издание «Летописи» С. Величко, позволяющее по-новому посмотреть на это произведение и оценить его. Кроме того, была реконструирована биография самого Величко, что позволяет лучше понимать его источниковую базу, кругозор, а также его оценочные мнения.

Традиционно казацкие авторы уделяли немного внимания деяниям Петра. Конечно, даже у них можно найти освещение некоторых событий из его биографии, как, например, Азовские походы или начало Северной войны. Однако подробного описания событий из жизни царя нет, за исключением краткой биографии, помещенной в «Летописи» Величка. В связи с этим перспективным выглядит анализ данного произведения, которое во многом отражает мысли и чаяния казацкого общества первой половины XVIII в.

Нужно понимать, что в центре внимания Самойла Величка находилось Украинское Гетманство (со времен гетмана П. Сагайдачного до Мазепы включительно). Излагая историю казацкой Украины, автор так или иначе упоминает и о московских правителях, с которыми контактировали гетманы и Войско Запорожское. Таким образом, русские цари также становились персонажами его «Летописи».

Величко был очевидцем основных событий времени царствования Петра Алексеевича и гетманства Ивана Мазепы. Начиная с 1690 г. он работал войсковым канцеляристом, в Генеральной канцелярии Войска Запорожского, и, соответственно, получил доступ к уникальным документам, многие из которых он скопировал в свою «Летопись». Кроме того, он имел возможность

общаться со многими участниками событий, о которых позднее напишет. Но автор не надеялся исключительно на свою память. Он работал путем сбора информации, цитировал источники, а также сверял и сопоставлял их. В частности, информацию о Петре I Величко мог почерпнуть из документов, ранних «казацких летописей» (не сохранившихся до наших дней) и опубликованной истории Самуила Пуфендорфа — «книги печатной летописной», изданной в русском переводе в Санкт-Петербурге в 1718 г. [7, с. 555].

Проследить то, как Величко обрабатывает попавшие к нему сведения, можно на примере упоминаний о времени воцарения Петра I. Изначально, при первом упоминании, он писал, что после смерти в 1681 г. старшего царствовавшего брата Федора Алексеевича, несмотря на официальное избрание на царство Иоанна Алексеевича, всю власть сосредоточили в своих руках Софья и Голицин, а с 1682 г. был помазан на царство Петр Алексеевич, и так «тіє два царіє со сестрою своею» управляли совместно [2, с. 550, 556]. Однако у Пуфендорфа Величко нашел другие сведения и уточнил непосредственно в своем тексте («пришло мнѣ тоє поправити» [2, с. 555]), что не в 1681, а в 1682 г. умер Федор Алексеевич, а вся полнота власти от умершего Федора Алексеевича переходит сразу к Петру Алексеевичу по причине «слабости здравія» Иоанна Алексеевича («зараз возведенъ на царство брат его менший Петръ Алѣѣвичъ» [2, с. 555]), несмотря на то, что Иоанн был старше Петра. В конце эпизода автор заключил: «царствовалъ 43 чили чтирѣ лѣта» [2, с. 556]. То есть он принимал обе даты как возможные. Это довольно типичный случай. Точно так же в начале «Сказания о войне казацкой с поляками...» автор приводил две даты о походе Казимира Великого на Русь, потому что Гваньини и Пуфендорф расходились в описании этого события [1, с. 483–484]. Все это указывает на то, что Величко не утаивал различные свидетельства, а предпочитал предоставить читателю всю известную ему информацию.

Автор «казацкой летописи» явно выделяет Петра I среди других правителей (как московских, так и польских). В частности, он упоминал о внешности и личных качествах государя, а также вставил в повествование его рисованный портрет, чего не было прежде. Все другие портреты в «Летописи» принадлежат главным героям повествования — гетманам Войска Запорожского. Разбор этого изображения монарха заслуживает отдельной статьи, которая уже готовится к публикации. Здесь же рассмотрим словесное описание персонажа. В 23-м разделе, изложив обстоятельства прихода к власти своего героя, Величко записал:

«Тот царь Петръ быст великотѣлесенъ и многосилен, быстроумен, ко бранемъ и разним потѣхам приклонен, лица был бѣловдичного, взору ѿчесь проразливого и грозного, власов з натури рудих, обаче всегда черно фарбуемых, и мало кому свѣдомих, гласу быст сипко грубого» [2, с. 556].

В описании внешности царя особое внимание привлекает упоминание о рыжем цвете волос Петра, которые он красил в черный цвет. Информация об этой особенности не встречается больше ни в каких письменных упоминаниях. Традиционно Петр I изображается темноволосым брюнетом. Не исключено, что в тексте отражены слухи, бытовавшие в казацкой среде. Но эта версия требует дальнейшего изучения. Сиплый голос, белый цвет лица, могучее

телосложение и богатырская сила царя не входят в противоречие с описаниями других современников. Живой ум Петра, его склонность к «бранемъ и потехам», грозный взгляд рисуют перед нами человека деятельного и требовательного. Стремление молодого царя к познаниям в разных областях подчеркнуто в словах: «по нѣмецку говорити добръ изучися» и «майстер быст совершенный корабельнаго строенія и штуки токарской» [2, с. 556]. Феофан Прокопович, который считается одним из создателей «панегирического петровского канона» [3, с. 100], отмечал также многосторонность его интересов и способностей, любовь к познаниям, чтению, любознательность и то, что «монарх от природы быстроумный» [3, с. 101, 102]. Не смотря на их литературность, оба словестных описания можно объяснить непосредственным впечатлением авторов, которые контактировали с царем.

Упоминания о деяниях Петра также заметно выделяются в тексте «Летописи». Дело в том, что Величко вел свое «Повествование летописное» в хронологическом порядке, когда описанию произошедших событий на протяжении одного года соответствовал каждый следующий раздел. Автор крайне редко позволял себе делать экскурсы в «будущее», но в случае с Петром I он отошел от этой нормы и основной линии нарратива. Описывая события 1682 г., Величко дает краткий экскурс в биографию только введенного в нарратив персонажа, впервые появившегося на страницах «летописи», — молодого царя Петра Алексеевича. События, которые еще не случились в момент описываемой им хронологии, относятся «чрезъ все ... время царствования» [2, с. 556–558]. Автор приводит перечисления всех, с его точки зрения, важных «дѣяній памятствованія достойная» и «славная дѣла» Петра, выходя далеко за хронологию своего нарратива, завершеного событиями 1700 г. [2, с. 556]. В нем можно найти несколько указаний на то, что автор собирался продолжать свое повествование, но по каким-то причинам не осуществил задуманное. Таким образом, за небольшим исключением экскурс в биографию Петра I — это одно из самых ярких свидетельств об отношении Величка к позднейшим событиям (первой четверти XVIII в.). Такой акцент выделяет этого персонажа на фоне других правителей, в том числе его предшественников.

Возможно, этот краткий экскурс в биографию царя Величко записал по памяти, уже после смерти героя, о которой упоминал тут же [2, с. 556]. На это косвенно указывают пропуски некоторых дат в этом изложении, вместо которых автор поставил многоточие, вероятно, для того, чтобы указать точные сведения позднее. Заметим, что все пропущенные даты относятся к началу XVIII в., а большинство упомянутых (за некоторым исключением) имеют непосредственное отношение к событиям, происходившим в Украине: два Крымских похода, постройка Новобогородицкой крепости, взятие Казикермена и Азова, начало и окончание войны со Швецией, битва под Полтавой, разорение «Сѣчи Запорозской и всего Войска Низового Запорозского», учреждение Синода, поход на Царьград и заключение мира с Турецкой Портой, построение Царицыной укрепленной линии и Персидские походы, наречение «первым императоромъ всероссийскимъ». В связи с этим можно предположить, что на момент написания этого фрагмента Величко не имел на руках источников для уточнения информации, которой не помнил. Хотя, по всей видимости, он

так и не успел их раздобыть, если закончил свой текст на 1700 г. и не вернулся к заполнению пропусков.

Нужно понимать, что к монаршей власти Величко, как и другие «казацкие летописцы», относится с большим почтением и уважением. Монарх, на службу к которому соглашалось Войско Запорожское, рассматривался как защитник казацких прав и вольностей [5, с. 270–272; 9, с. 403–412]. Поэтому в «казацких летописях» монарх, как правило, изображался в роли позитивного персонажа. Даже о польских королях Владиславе IV и Яне II Казимире Величко писал, как о благодетелях и покровителях казацкого воинства, а всю вину в кровопролитной войне возлагал на польскую шляхту. (Такого рода примеры см.: [2, с. 130–135, 158, 161].) В этом отношении образ Петра I не отличается значительно от положительных характеристик его предшественников-царей и польских королей. Величко отдавал ему должное, указывая на его статус законного правителя.

Неудивительно, что «летописец» осуждал отстранение Иоанна и Петра от власти их сестрой Софьей Алексеевной. Это становится очевидным после первых упоминаний о молодом царе и описания того, как Петр приходит к власти. Стрелецкий бунт 1689 г. представлен в повествовании как некое зло, которому надо противостоять («злу тому запобѣжено» [2, с. 556]), и «начинающуюся крамолу тогдашнюю» [2, с. 641]. Но стрелецкий бунт и «злые замыслы против государя» Голицина [2, с. 636], а также указ об этом Софьи [2, с. 555] были раскрыты и разоблачены, и заблаговременно предотвращены. Хотя обвинений против царевны Величко не выдвигал, однако в его тексте можно заметить определенное несогласие с действиями старшей сестры Петра и Иоанна, незаконно сконцентрировавшей власть в своих руках. Софья, отстранив своего единокровного брата Иоанна Алексеевича, хотела царствовать без участия Петра (низложить «от престола» [2, с. 555]), не допустив его к политической деятельности. Два раза Величко заостряет внимание читателя на том, что, несмотря на официальный титул и упоминание в документах имени трех царей [2, с. 550], реальное управление государством проводила царевна Софья Алексеевна («она сама з совѣтомъ князя Василя Василювича Голицина... правяше царствомъ Російскимъ» [2, с. 550]). При этом аналогичное поведение молодого Петра, фактически уже с 1682 г., по словам самого Величка, сосредоточившего в своих руках управление всем Российским государством, легитимизируется, не смотря на официальное соправление двух монархов «в грамотах и указах монарших»: с 1689 года «начат самъ Петръ Алексеевичъ всѣмъ царствомъ Російскимъ владѣти и радѣти (яко жъ такъ и было непремѣно)» [2, с. 650]; «от того часу начатъ царствовати и всѣмъ царствомъ Російскимъ правити» [2, с. 641]; «единовладним ... зоставши монархом» [2, с. 774]. В данном контексте отстранение от дел законного государя и брата Иоанна Алексеевича не трактуется автором как неправомерное (хотя причина, оправдывающая такое политическое решение, остается все та же, как и для Софьи и ее сторонников: немощность и слабое здоровье Иоанна [2, с. 555, 641]).

Краткая биография Петра, поставленная в начале повествования о его правлении, представлена в целом без какой-либо однозначной характеристики автора. Однако даже в этом сухом перечне событий можно увидеть оценочные суждения. Очевидно, весомую роль в позитивном образе Петра играла его

успешная деятельность на военном поприще. Величко с симпатией относился к организации военных походов, которые проходили под управлением молодого царя против Османской империи, в противовес «бесполезным» Крымским походам 1680-х гг. Это же отношение, но в более ярких красках, Величко осветил в своем основном тексте, описывая войну с турками и татарами как необходимость «отмщенія... кривдъ своїхъ» [2, с. 730]. Петр «усовѣтоваша за благо пойти з войсками своїми на Азовъ и Казикермень» к Черному морю, при этом дорога по Днепру названа стародавней казацкой («от Казикермена Войску Низовому Запорожскому аби по стародавнему отворилися ворота» [2, с. 730]). Выходит, что царь прислушался к желанию казаков начать войну, хотя склонность была «до миру и дружби», «а татаре и козаки непрестанній... до гнѣву и войны чинили шкказіи» [2, с. 730]. Величко пишет очень одобрительно как о первом, так и о повторном походе под Азов, уже зная (при написании своего нарратива), что они будут успешными. Он особенно подчеркивал божественное благословение, ниспослешее на Петра, и нашедшее выражение в его военном успехе — взятии самой укрепленной крепости в Азии — Азова («крѣпкую первую во Азії и преславную Азовскую фортецу» [2, с. 775]).

Положительный контекст описания усиливает то, что в этой кампании принимали участие не только московские, но и малороссийские войска. Петр предстает не только как добрый царь, дарующий щедрые подарки своим подданным (казакам), но и справедливый, т. к. украинское войско заслужило своей храбростью и мужеством («козацкой щирой и вѣрной службѣ военной») эти награды и похвалу в совместном военном походе: «Петръ Алєѣвичъ велце будучи контентъ, многократне явствено старшинѣ и чернѣ благодарствоваль, и взяте Азова им самим причитоваль... зѣло похвалял» [2, с. 775]. Несомненно, что отношение автора к личности Петра I сильно зависело от лояльности царя к украинским казакам. Для Величко очень важно (это прослеживается на протяжении всего текста) сохранение и подтверждение вольностей для малороссийского народа. И соответственно, отношение к благодетелю (дарителю) формируется автором в зависимости от данной позиции.

Краткая биография Петра заканчивается панегирическими стихами в его честь. Подобные произведения хвалебного характера нередко встречаются в тексте «Летописи». Они могли быть посвящены каким-то конкретным событиям, как, например, обороне Чигирина или победе над шведами в Северной войне, но чаще всего это восхваление различных казацких лидеров или церковных деятелей. В историографии особое внимание всегда обращали на речь Самойла Зорки в честь Богдана Хмельницкого. Также довольно часто встречаются в «летописи» надгробные панегирические вирши, отдельно можно выделить стихи, восхваляющие Ивана Самойловича, Ивана Мазепу и Петра Алексеича (полный перечень приведенных Величком литературных произведений см.: [2, с. 852–888]).

Интересно, что аналогичных произведений в честь других московских царей Величко не приводит, хотя такого рода тексты и создавались раньше. Они были широко распространены в Речи Посполитой, а позднее в Гетманщине. Но в Московском государстве панегирики обрели популярность только с реформами Петра I. Герой произведения, как правило, предстал

в позитивном облике. Его нередко сравнивали с героями или богами античных времен. Такого рода символика переключалась в Речь Посполитую вместе с заимствованием республиканских идей и риторических практик древности. В Россию же традиция написания хвалебных «виршей» попала под влияние «киевских интеллектуалов».

Предисловие перед стихами объясняет причину того, почему Величко их помещает в свое повествование: «для тихъ то великихъ дѣль нѣкто з поетов кїевомалоросійскихъ в похвалу его величеству по заключеню з шведомъ помененного мира сицевїи его величеству написал рифми» [2, с. 558–559]. (Можно сравнить с формулировкой Феофана Прокоповича, который упоминал «безчисленные славы Петра», восхваляя своего героя [3, с. 102].) Вероятно, имя автора не было известно Величко, который сделал типичное для таких случаев упоминание. Например, похожим образом он обозначил сочинителя известного православного памятника «Руно орошенное» [2, с. 272]: «нѣкто *шт* благоразумнїхъ поетовъ м[ал]оросїйскїхъ таковїе изложилъ вѣрши» (им являлся Дмитрий Ростовский (Туптало), что не указано в «Летописи»). Информацию о происхождении автора Величко, очевидно, почерпнул из самого произведения. Поскольку в его конце имеются такие строки: «Caru Petru monarsi, zyczum po wsia czasy / Pobid, szczastia u slawy my usi czerkasy», — и специально к краю листа рукой Величка приклеен перевод этой надписи с польского языка: «Царю Петру монарѣ зичимъ по вся часи / Побѣдъ счастья и славы мы усѣ черкаси» [2, с. 559]. Автор сам причисляет себя к «черкасам», что является часто употребляемым наименованием жителей Украины или Малороссии тех времен.

Метафоры, использованные в тексте, были широко известны к 1721 г., дате, к которой приурочен данный стих. Сравнение России с орлом, а Швеции со львом, очень распространены: в частности, «Орел российский» написан Симеоном Полоцким еще в 1667 г. [6, с. II, VII–VIII], а звериная символика при изображении врагов Петра в риторике Феофана Прокоповича нашла впоследствии широкое применение [3, с. 108]. В самом тексте панегирика Петр представлен как монарх, достойный похвалы, чьи добродетели перечислены автором [2, с. 559]:

Pierszego pokazał siebie walecznoscio
Odwaḡa, rozumem, menstwem, szęśliwosciaḡ
... Nie było podobnych...
Pietrze Pirwszy! Cariu Miłosciwy panie...!

Подобного рода упоминания личностных характеристик монарха тоже трудно назвать уникальными. Выше их уже приводил сам Величко, а в панегирических текстах того времени они являются своеобразной нормой. На них указывает даже Феофан Прокопович в своих знаменитых риторических произведениях [3, с. 101–102]. Учитывая все это, довольно трудно выдвинуть предположения об авторе стихов. Во всяком случае это должен был быть человек образованный, знакомый с правилами риторического искусства и, возможно, произведениями Феофана Прокоповича или Стефана Яворского, которые использовали схожие хвалебные приемы.

В приведенном панегирике Петр назван «сыном» России. Такое сравнение представляет Россию в образе матери и общей ценности для всех, в том числе и для монарха. Кроме этого Петр также мог выступать в роли «отца отечества», как видим, в частности, в произведениях Феофана Прокоповича [3, с. 107; 4, с. 314; 7, с. 1]. Однако оба сравнения стали возможны в московской политической культуре в связи с изменениями, начатыми непосредственно самим Петром, которые сделали возможными заимствования европейских идей и смыслов в московской политической жизни. Эта тенденция заметна также в использовании «новых» терминов. В частности, государство, которое традиционно определялось как царство, здесь названо «Российская корона», не исключено, что по аналогии с широко известным термином — «Корона Польская». Эту деталь тоже нельзя назвать уникальной. Формулировки такого рода становились все популярнее. Их можно встретить в разнообразных текстах, например в панегирике, посвященном Петру I и опубликованном Шарифовым в 1717 г. [8].

Однако, в отличие от других правителей (героев «Летописи»), у Петра есть и отрицательные характеристики. Сразу за хвалебными стихами в его честь следует отрывок, в котором Величко описывает, как царь отнял «древніе права и волности Войска Запорозского и народу малоросійского» [2, с. 559], что уже само по себе говорит о особой важности этой темы для автора. Впервые в «Летописи» вина за отнятие казацких прав, за их попрание и нарушение, ложится на самого монарха, а не его подчиненных. Величко писал, что в 1708 г. «во время вшествія шведскаго в Малую Росію», когда положение дел во время войны со шведами было шаткое, Петр склонял на свою сторону «народ малоросійский» для помощи «отдаления непріятеля шведа» [2, с. 559]. Он пообещал большие вольности населению Малой России, больше, чем были ранее, в том числе при гетманстве Мазепы, «утвержаючи народ малоросійский в вѣрности ку себѣ» и «шбѣцуючи за тую вѣрность... такими волностями малоросіян ударствовати, яковими нѣхто з подданих под свѣтомъ у своіхъ монархов не мѣлъ похвалитися», однако не сдержал свое обещание. Забегая вперед, Величко на это подчеркнуто указывает: «заразъ по кончинѣ гетмана Скоропадского року 1722, над чаяніе малоросійское мимо древніе права и волности Войска Запорозского и народу малоросійского, вмѣсто гетмана устроїлъ в Малой Росіи коллегію, и збори розніе нѣгди пред тимъ не бываліе, уничтожилъ и шбременил зѣло всѣх малоросіановъ, такъ шляхетской козацкой, яко и посполитой кондиціи сушихъ» [2, с. 559]. На этом пассаже (крайне негативной характеристике) Величко заканчивает краткую биографию Петра, вступительное слово о Петре, и снова переходит к подробному описанию событий 1682 г.

Фактически, Величко критиковал действия монарха через описание его отступнического пути. Придя к власти в 1689 г., царь отблагодарил гетмана и Войско Запорожское за поддержку, подтвердив «всѣ древніе права и волности Войска Запорожского и всего народа малоросійского в ненарушимой цѣлости заховуючой, такожде и шсобной грамоти на маетности гетманскіе ... и инимъ панамъ малоросійскимъ» [2, с. 642]. Потом в 1708 г. он обещал еще большие права и свободы казакам, призывая их сражаться со «шведами»; но вместо этого в 1722 г. не только отказался от своих слов, но и сам отнял все

подтвержденные им ранее свободы. Величко акцентировал внимание читателя на этом моменте. Аналогичных ситуаций с другими московскими монархами или польскими королями в «Летописи» не описано. Таким образом, Петр выделен на их фоне, не только похвалой, но и критической авторской оценкой.

В вину Петру Величко также ставил те начинания, которые не принесли желаемого результата, а, наоборот, стали причиной различных разорений. Например, автор указывает на поражение царя в борьбе с воровством: «Во всемъ государствѣ своемъ во вся дни живота своего всякими способами воровъ и разбойников вивести тщался ... но не возмогъ того доказати, и ѿвшемъ умножишася паче нежели прежде бяху» [2, с. 557]. Кроме этого летописец указывал на неоправданные денежные растраты на постройку флота: «флотъ морской, корабельный и галерный, устройтъ з превеликимъ и неищетнымъ казни своею на тоѣ истощаніемъ»; «под Азовомъ... превеликим коштом и казеннымъ иждивеніемъ знаменитій и стучній в морѣ здѣлалъ былъ гавань albo пристань корабельній»; «однакъ zostали уничтожени, и потерялися бездѣлно, превеликую гсдреву в томъ уродивши шкоду»; «не без жалю мусѣлъ томъ флотъ азовскій вовсе уничтожити и покинути» [2, с. 556, 776]. Автор порицает такие растраты и разорение государства. Однако критика Петра в этом отношении не является уникальной. Точно так же Величко писал о временах бескоролья в Речи Посполитой перед приходом к власти Фредерика Августа: «отчизну свою, Корону Полскую... приводилъ в задолженіе и нахилил до упадку» [2, с. 772]. То есть любые «проигрыши», которые имели негативные последствия для страны, выставляли героев «Летописи» в негативном свете.

Этот же принцип критики можно заметить в указаниях Величка на разорение царем казацких земель. Например, автор много внимания уделил выстраиванию в своем тексте образа Запорожской Сечи как важного оплота украинского казачества. В его истории все гетманы, включая Богдана Хмельницкого, для своего легитимного правления должны были заручиться поддержкой низового товарищества. Поэтому даже сухое упоминание в краткой биографии Петра о разорении этого места выглядит крайне неодобрительно: «Сѣчь Запорозскую раззорилъ и все Войско Низовое Запорозское, прелести Мазепиной послушавшое, ѿт себе под власть кримскую ѿтдалилъ» (о событиях 1709 г.). Точно так же летописец упоминал о «потери» Петром Правобочной Украины: «Полякамъ тогобочную ѿтдал Украіну року [...], якая вскорѣ на унѣю zostала ѿбернена» [2, с. 557–558]. Перед этим фрагментом Величко не раз писал об угрозе «унии» для православных в Украине и ставил в заслугу гетманам борьбу с ней. В этой парадигме приоритетов поступок Петра выглядит крайне неприглядным.

Таким образом, можно заключить, что Величко оценивал действия Петра исходя из его представления о правильной роли монарха. Как и других правителей, он изображал царя покровителем Войска Запорожского, который должен заботиться о нем. Хотя, его персоне он уделил значительно больше внимания, чем другим правителям. Очевидно, такое внимание обусловлено значительной ролью Петра в судьбе украинского казачества. Мнение автора о своем герое могло варьироваться от позитивного к негативному и наоборот в зависимости от конкретных поступков персонажа. Если Петр действовал

в интересах казацкой общности — Величко восхвалял его, если же наоборот — критиковал. Особенно положительно он отзывался о царе, описывая ранний период его жизни, Азовские походы и приумножение прав украинского народа в благодарность казакам. Вместе с тем, автор негативно относился к нарушению государем своего же слова, ущемлению казацких прав, разорениям украинских земель и другим «поражениям» государя.

«Летопись» С. Величка заканчивается изложением событий 1700 г. Хотя в тексте имеются отсылки к тому, что автор планировал рассказ о более поздних событиях, но кодикологический анализ свидетельствует, что оригинал рукописи дошел до нас без пропусков и утрат. Почему автор не смог написать продолжение (хотя известно, что после завершения «Летописи» он еще создал «Космологию»), по каким причинам решил этого не делать, неизвестно. Возможно, что это сознательный шаг, потому как при подробном рассказе о событиях следующих годов Величко непременно бы коснулся ущемления прав Войска Запорожского и всего малороссийского народа, а, значит, Петр предстал бы в негативном свете. Не исключено, Величко хотел этого избежать, прежде всего из-за соображений безопасности — собственной и его покровителей, семьи Кочубеев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багро С. О. Білоцерківський універсал Богдана Хмельницького: походження та обіг тексту. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. — Т. 264: Праці історично-філософської секції. — Львів., 2012. — С. 474–492.
2. Величко С. «Літопис». — К.: ТОВ «Видавництво «КЛЮ», 2020.
3. Довгий О. Л. Петровский канон Феофана Прокоповича // Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». — № 20 (121). — М.: РГГУ, 2013. — С. 100–110.
4. Плохій С. М. Походження слов'янських націй. Домодерні ідентичності в Україні, Росії та Білорусії. — К.: Критика, 2015.
5. Плохій С. М. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Вид. 2-ге, випр. — К.: Критика, 2006.
6. Полоцкий С. Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого / сообщ. Н. А. Смирнов. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1915.
7. Пуфендорф С. Введение въ Исторію Европейскую. Черезъ Самуила Пуфендорфія, на нѣмецкомъ языкѣ сложенное, Таже чрезъ Іоанна Фридеріка Крамера, на латинскій преложенное. Ныне же повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Перваго Всероссійскаго Императора, на російскій съ латинскаго преведенное. — Санкт-Петербург, 1718.
8. Шарифов П. П. Рассуждение. Какие законные причины его царское величество Петр I... к начатию войны против короля Карла XII, шведского, в 1700 году имел... — Санкт-Петербург, 1717.
9. Яковенко Н. М. Дзеркала ідентичності: дослідж. з історії уявлень та ідей в Україні XVI — початку XVIII ст. — К.: Laurus, 2012.